



ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОЛИЦИЯ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
МЕЖДУ РЕФОРМАМИ

От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского

АИРО – первая публикация в России

Сборник

**Политическая полиция
Российской империи между
реформами. От В. К. Плеве
до В. Ф. Джунковского**

«Алетейя»

2014

Сборник

Политическая полиция Российской империи между реформами.
От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского / Сборник — «Алетейя»,
2014 — (АИРО – первая публикация в России)

Фигуры, поставленные рядом в заголовке, объединяет многое. В. К. Плеве – второй директор Департамента полиции, занимал этот пост с 15 апреля 1881-го по 20 июля 1884 г. В 1884 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. А 4 апреля 1902 г. стал министром внутренних дел. В. Ф. Джунковский являлся товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов с января 1913-го по сентябрь 1915 г. Оба стояли у руля политической полиции Российской империи и определяли приоритеты ее деятельности. Характер и направление реформ политической полиции, проведенных при этих руководителях ведомства, позволяют проследить представленные в сборнике документы. При отборе материалов основное внимание уделялось тем из них, которые связаны с изменениями в структуре и методике работы политического розыска. В книге осуществлена попытка выстроить достаточно репрезентативный документальный ряд, отражающий основные направления деятельности органов политического сыска и те преобразования, которым они подвергались с 80-х годов XIX в. до первых десятилетий XX в.

Содержание

Предисловие	6
Документы	12
№ 1. Из всеподданнейшей записки начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова[13] о преобразовании полиции	12
№ 2. Положение об устройстве секретной полиции в Империи[14]	16
№ 3. Инструкция инспектору секретной полиции[15]	17
№ 4. Докладная записка заведующего заграничной агентурой П. И. Рачковского[16] директору Департамента полиции П. Н. Дурново[17] о постановке работы органов сыска в связи с возникновением в Петербурге «Группы народovolьцев»	19
№ 5. Записка заведующего заграничной агентурой П. И. Банковского об условиях деятельности политической полиции	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского

© Е. И. Щербакова, составление, 2014

© АИРО-XXI, 2014

© Алетейя, 2014

Рецензенты:

кандидат исторических наук Д. А. Андреев,

кандидат исторических наук Н. И. Дедков,

кандидат исторических наук А. А. Левандовский

Вступительная статья, составление и комментарии – Е. И. Щербакова

Предисловие

Фигуры, поставленные рядом в заголовке, объединяет многое. Вячеслав Константинович Плеве – второй (после И. О. Велио) директор Департамента полиции, занимал этот пост с 15 апреля 1881-го по 20 июля 1884 г. В 1884 г. как признанный специалист в области политического сыска он был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. А 4 апреля 1902 г. стал министром внутренних дел. Владимир Федорович Джунковский являлся товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов с января 1913-го по сентябрь 1915 г. Оба стояли у руля политической полиции Российской империи и определяли приоритеты ее деятельности. Характер и направление реформ политической полиции, проведенных при этих руководителях ведомства, позволяют проследить представленные в сборнике документы.

Трагедия 1 марта 1881 г. стала зримым доказательством небоеспособности армии политического сыска, оказавшейся не в силах уберечь императора. Еще летом 1880 г. сенатором И. И. Шамшиным была проведена ревизия, которая привела к весьма неутешительным выводам. Государственный секретарь Е. А. Перетц записывал в дневнике со слов Шамшина: «Дела велись в III отделении весьма небрежно. Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка Государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый – человек вредного направления, по ночам он сходится в преступных видах с другими подобными ему людьми, ведет образ жизни таинственный, или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства – от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку в административном порядке того или другого лица...»¹ При таком положении вещей выполнить свою главную задачу – «предупреждение, пресечение и исследование преступных деяний государственных»² – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было не в состоянии.

1 августа 1880 г. глава Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов подал на высочайшее имя записку о преобразовании полиции (см. д-т № 1). 6 августа Указом о закрытии Верховной распорядительной комиссии упраздняется и временно подчиненное ей III отделение «с передачей дел оноgo в ведение Министерства Внутренних Дел...», в составе которого был создан Департамент государственной полиции, призванный сосредоточить все нити «политического розыска и наблюдения». После гибели императора его главой становится В. К. Плеве.

На первых порах в штате Департамента полиции насчитывалось всего 125 человек. Первое делопроизводство было распорядительным, второе – законодательным. Вопросами политического розыска ведало третье (секретное) делопроизводство, а с 1898 года – Особый отдел Департамента, который курировал также деятельность заграничной агентуры. Кроме того, в этом учреждении имелась справочная часть, которую составляли коллекция фотографий и библиотека нелегальных изданий, унаследованная от III отделения. На местах «розыскными

¹ Перетц Е. А. Дневник. – М., 1927. С. 3–5.

² ГАРФ. Ф. 102. Он. 253. Д. 16. Л. 37.

и осведомительными» источниками Департамента полиции служили Губернские жандармские управления, а также «Отделения по охранению безопасности и порядка», существовавшие первоначально только в столицах и Варшаве. Этим, последним, учреждениям суждено было сыграть роль своеобразных лабораторий, в которых отрабатывались новые приемы и методы розыскной работы, которые менялись в зависимости от эволюции антиправительственного движения.

Постепенно руководство политической полиции пришло к заключению, что подрыв бастионов противника следует вести изнутри. Внешнее давление оказывалось неэффективным главным образом потому, что, устраняя недовольных, политическая полиция не устраняла причины недовольства. От внешнего наблюдения, попросту говоря – слежки, и последовательных арестов подозрительных лиц акценты смещались в сторону развития внутренней агентуры в революционной среде.

Под рукой жандармов старой школы подрастало молодое поколение деятелей политического розыска, которым покровительствовал В. К. Плеве. Один из наиболее ярких его представителей, Г. П. Судейкин, развернул широкомасштабную вербовку внутренней агентуры «нового образца» из числа ренегатов революции. Их внедрение в организационные структуры нелегальных партий позволяло не только контролировать революционное движение, но и манипулировать им. Даже «провал» секретного сотрудника правительства был бы ему на руку, подтачивая силы революционного лагеря, сея в нем подозрительность и неуверенность в своих бойцах. Повальные обыски и скоропалительные аресты сменила тщательно продуманная филерская опека над объектом наблюдения, предварительное установление его связей и т. д. При самой массовой ликвидации о ком-то намеренно забывали – свечу оставляли гореть на подоконнике, увлекая все новые жертвы в искусно расставленные сети. Результаты не заставили себя ждать. К середине 80-х «Народная воля» была разгромлена и организация подобного масштаба (ПСР) смогла появиться лишь в начале XX в.

Революционное движение не ограничивалось Петербургом и Москвой, что требовало реформирования структуры политического сыска. В 1902 г., по образу и подобию столичных, были образованы Охранные (розыскные) отделения в губернских городах. Их начальники являлись офицерами Корпуса жандармов, «в строевом отношении прикомандированные к жандармским управлениям», фактически подчинялись Департаменту полиции. Такое положение вещей, позволявшее Департаменту эффективно координировать деятельность сыска в масштабах империи, нередко вызывало серьезные проблемы во взаимоотношениях местных органов политической полиции, негативно влиявшие на их взаимодействие.

Во вновь созданных структурах сосредоточивалась розыскная работа, их важнейшими подразделениями являлись агентурные отделы. Оперативно реагировать на все изменения в революционном лагере помогала налаженная система учета и обобщения информации (знаменитые «разноцветные» досье – красные карточки на эсеров, зеленые на анархистов и т. д.), обязательен был и обмен розыскными данными между заинтересованными учреждениями. Служба наружного наблюдения, созданная задолго до организации Департамента полиции, была централизована с появлением в 1894 г. при Московском охранном отделении Летучего отряда филеров.

С увеличением значения в деле политического розыска охранных отделений усиливается соперничество между ними и ГЖУ. Конфликтные ситуации вызывались нередким несоответствием чина и властных полномочий, а также тесным переплетением служебных функций представителей ГЖУ и ОО. Руководители охранных отделений, которые являлись офицерами Корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальникам ГЖУ. Начальники ГЖУ (обычно полковники или генерал-майоры), в свою очередь, в служебном отношении нередко подчинялись младшим по чину начальникам ОО. Функции ГЖУ (наблюдательная

деятельность и проведение дознаний) и ОО (розыскная работа) формально были разведены, однако на практике отделить одно от другого оказывалось невозможно, да и нецелесообразно.

Революционный 1905 год принес новые проблемы, вплоть до таких трудновообразимых, как едва не разразившаяся стачка филеров. Глава петербургской охранки А. В. Герасимов вспоминал: «Когда летом 1905 года один из них был убит на окраине города революционерами, то остальные пытались устроить совещание и выработать требования, чтобы их не заставляли ходить в рабочие предместья, особенно по ночам...»³.

Положение усугублялось тем, что осенью 1905 г. ЦК Партии социалистов-революционеров – одного из приоритетных объектов внимания политической полиции – сообразуясь с новыми политическими реалиями (Манифест 17 октября, подготовка к созыву Государственной думы), принял решение приостановить террористическую деятельность и распустить Боевую организацию. Вскоре, в связи с установкой I общепартийного съезда (декабрь 1905 – январь 1906) на вооруженное восстание, в преддверии которого вновь возрастало значение террора как фактора дезорганизации власти и агитационного воздействия на массы, БО была восстановлена. Непоследовательный курс руководства ПСР вызвал к жизни множество оппозиционных групп эсеровского толка (в 1906 г. они объединились в Союз эсеров-максималистов), а их несогласие с тактической линией ЦК привело к взрыву терроризма, который приобрёл децентрализованный характер.

Многочисленные местные боевые дружины, группы, отряды и «боевики-одиночки» обрушились на представителей власти, преимущественно среднего и низшего звена. Широкое распространение получили экспроприации казённых, а нередко и частных средств, никогда ранее не применявшиеся в таких масштабах. С января 1905-го по июль 1906 г. было совершено 1951 ограбление по политическим мотивам. 8 июля 1906 г., в день своего назначения председателем Совета министров, П. А. Столыпин с трибуны Государственной думы сообщил, что с октября 1905-го по апрель 1906 г. от руки террористов погибли 288 человек, 388 должностных лиц было ранено, 150 покушений не удались. По статистике Департамента полиции только в 1907 г. «невыясненными лицами» было совершено 3487 терактов⁴.

Политическая полиция оказалась в сложной ситуации. Разрозненные действия боевиков было гораздо труднее взять под контроль, чем централизованный партийный террор. Кроме того, наряду со старыми противниками, появилась масса новых организаций, в лояльности которых по отношению к власти нельзя было быть уверенными.

Небывалое расширение сферы наблюдения потребовало нового преобразования органов сыска. В 1906 г. в «политической части» Департамента полиции формируются два Особых отдела: первый ведал розыскной работой в партиях, второй – в массовом движении и среди общественности. Число охранных отделений с трех в 1902-м возросло до тридцати одного в 1908 г. Кроме того, было создано восемь Районных охранных отделений, являвшихся промежуточным звеном между Департаментом полиции и местными органами политического розыска (см. д-ты №№ 16, 17). На первых порах РОО оказались достаточно эффективными, оперативно реагируя на возникающие проблемы и координируя работу местных органов политической полиции.

Увеличивалась количественно и совершенствовалась качественно агентурная сеть. К началу 1907 г. были разработаны и разосланы в Охранные отделения и Губернские жандармские управления инструкции по организации внутреннего и наружного наблюдения (см. д-ты №№ 18, 25, 26), строго регламентирующие эту сторону деятельности политической полиции. С изданием инструкции по ведению агентурного наблюдения «Департамент полиции окончательно положил в основу политического розыска в государстве секретных сотрудников, а внеш-

³ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М., 1991. С. 56.

⁴ См.: Гейфман А. А. Сколько стоил боевизм? // Родина. 1998. № 7. С. 64.

нему, наружному наблюдению через филеров, стал придавать второстепенное и вспомогательное значение»⁵.

В связи со смещением акцентов на развитие внутренней агентуры многие щекотливые вопросы, неизбежно возникающие в процессе деятельности политической полиции, вставали особенно остро. Какую линию поведения должен избрать секретный сотрудник, внедренный в противозаконное сообщество? «Активным участником в преступлениях секретный агент ни в каком случае не может быть допущен», – доказывал генерал В. Д. Новицкий. Но что способен узнать человек, который далек от дел нелегальной организации?

В атмосфере охранного отделения всегда витал соблазн провокации. Любой секретный сотрудник мог оказаться двойным агентом как, например, знаменитый Евно Азеф, агент политической полиции и глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров с 1903-го по 1908 год. В одном из обзорно-аналитических документов Департамента полиции имеется следующее определение понятия «провокатор» – это «такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора»⁶. Офицерам, «ведающим розыск», вменялось в обязанность неукоснительно следить, чтобы агент не переступал тончайшую грань, отделяющую «сотрудничество» от «провокации».

С одной стороны, при участии Азефа были организованы убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича. С другой стороны, его деятельность «обессилила террор в самую критическую для правительства и для революции эпоху»⁷ – ни одного удачного теракта после покушения на Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. до конца Первой русской революции ПСР не осуществила. Но главным результатом подрывной работы Азефа стал острейший кризис партии, вызванный разоблачением секретного сотрудника полиции, ставшего одним из лидеров эсеров. Не доверяя больше ЦК, «гнезду измены и провокации», местные группы стремились к самостоятельности, происходило распыление террора. Многие боевики отошли от дел, в партии и обществе набирали силу антитеррористические настроения. После ряда неудач в начале 1911 г. БО ПСР была распущена.

«Дело» Азефа не прошло бесследно и для органов сыска. Помимо скандальных запросов о провокации в Думе, политическая полиция стала всё чаще сталкиваться в своих рядах с феноменом двойных агентов. Нередко последние пытались найти выход из тупика, в который рано или поздно загоняла их игра на два фронта, с помощью терактов. Гибель полковника С. Г. Карпова, убийство П. А. Столыпина поставили под сомнение правомерность использования важнейшего средства политического розыска – внутренней агентуры.

С назначением в январе 1913 г. товарищем министра внутренних дел заведующим полицией и командиром Корпуса жандармов В. Ф. Джунковского эти сомнения перетекали в практическую плоскость. Как пишет А. Ю. Дунаева, автор одной из последних монографий об этой интересной личности, «уже с первых шагов Джунковского на новом поприще обозначился конфликт между его взглядом на систему органов розыска как часть государственного аппарата, которая должна строго подчиняться действующим законам, и взглядом офицеров-«охранников», для которых на первом месте зачастую была конкретная розыскная целесообразность, а не абстрактное представление о чести и достоинстве и формальное выполнение законодательных норм»⁸.

Прежде всего, В. Ф. Джунковский поставил вопрос об отмене внутренней агентуры из числа нижних чинов в войсках (см. д-т № 62). Хотя накануне этого распоряжения Департамент

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 628. Л. 3–1.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 345. Ч. 1. Л. 391 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 281. Л. 127.

⁸ Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. – М., 2012. С. 156.

полиции издал целый ряд циркуляров, свидетельствующих о необходимости усиления агентурной работы в армии. Но человеку чести, каким, несомненно, являлся В. Ф. Джунковский, казалось совершенно «недопустимо, чтобы солдат был шпионом среди своих товарищей»⁹. О результатах этого преобразования можно судить по мемуарам Константина Ивановича Глобачева, который встретил Февральскую революцию на посту начальника Петроградского охранного отделения: «С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом, случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 году настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но за отсутствием внутренней агентуры, вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому и невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов»¹⁰.

Подобным же циркуляром В. Ф. Джунковский запретил органам политической полиции иметь агентов среди учащихся средних учебных заведений (см. д-т № 63). Реформы коснулись и наружного наблюдения. Жандармских унтер-офицеров, которые нередко использовались розыскными органами в качестве филеров, были предписано заменить вольнонаемными сотрудниками наружного наблюдения. Тогда им не пришлось бы переодеваться в «партикулярное платье» и отказываться от мундира – символа воинского достоинства. В. Ф. Джунковский был убежден, что высокое звание офицера вообще несовместимо с политическим розыском. Задача максимум, которую он не успел осуществить – передать эту грязную работу штатским специалистам-юристам.

В 1912–1913 гг. несколько снизилась острота противостояния власти и общества, в революционном движении наступило временное затишье. Товарищ министра внутренних дел считал момент вполне благоприятным для сокращения средств на секретную агентуру. Исследователи замечают, что самому существенному сокращению подверглись агентурные расходы Киевского ГЖУ. Расследование обстоятельств гибели П. А. Столыпина выявило не только халатность местных органов сыска, но и растрату начальником Киевской «охранки» подполковником Н. Н. Кулябко значительных казенных сумм. А. Ю. Дунаева вообще считает, что предвзятое отношение Джунковского к сотрудникам охранных отделений «было вызвано скорее всего тем фактом, что именно при участии агентов-provokatorов Е. Азефа и Д. Богрова погибли два человека, которых Владимир Федорович глубоко уважал – великий князь Сергей Александрович и П. А. Столыпин»¹¹.

Институт секретных сотрудников постепенно сокращался, также как и количество охранных отделений – «рассадников провокации», по мнению В. Ф. Джунковского. 15 мая 1913 г. были ликвидированы 8 охранных отделений, а осенью и все остальные, за исключением Петербургского, Московского и Варшавского. Та же участь была уготована Районным охранным отделениям, упраздненным в 1914 г. (за исключением Туркестанского). Дела ликвидированных учреждений передавались Губернским жандармским управлениям. «...Джунковский уничтожил охранные отделения в провинции и передал снова агентуру в руки губернских жандармских управлений, то есть вернулся к той старой отжившей системе политического розыска, которая была изменена опытным и умным министром Плеве»¹², – писал один из видных деятелей политического сыска Александр Иванович Спиридович. В сущности, структура политической полиции возвращалась к положению, существовавшему до 1902 г. Хотя вызовы времени требовали совсем другого ответа...

⁹ Там же. С. 160.

¹⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции. – М., 2009. С. 94.

¹¹ Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. – М., 2012. С. 197.

¹² Спиридович А. М. Великая война и февральская революция. – Нью-Йорк. 1960. Т. 2. С. 112.

* * *

Материалы сборника расположены в хронологическом порядке, имеют самостоятельные порядковые номера, даты, редакционные заголовки. Основная масса материалов публикуется полностью. В некоторых случаях допущено сокращение особенно объемных документов, которые наряду с необходимыми сведениями содержат информацию, дублирующуюся в других материалах или не имеющую непосредственного отношения к теме сборника. Если документ приводится в извлечении, то заголовок начинается словом «Из», а пропуски обозначаются отточием в квадратных скобках.

Тексты документов переданы с сохранением орфографии, пунктуации и стилистики оригинала. Пропущенные в оригиналах и восстановленные составителем слова и части слов, а также раскрытые сокращения заключены в квадратные скобки. Подписи под всеми архивными документами сохранены; в случае предположительного прочтения они даются в квадратных скобках. При отсутствии даты на документе и установлении ее составителем, она также приводится в квадратных скобках.

Документы снабжены примечаниями и комментариями. Справочный аппарат сборника составляют также указатель имен, содержащий перечень фамилий и инициалов с обозначением номеров страниц, на которых они встречаются; и список сокращений, где в алфавитном порядке раскрыты наиболее часто употребляемые в текстах сокращения.

Сборник составлен на основании материалов, опубликованных в книгах «Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – нач. XX вв.)» (М. АИРО – XX. 2001) и «Агентурная работа политической полиции Российской империи (1880–1917)» (АИРО – XX. М. – СПб. 2006). При отборе документов основное внимание уделялось тем материалам, которые связаны с изменениями в структуре и методике работы политического розыска. По сравнению с предшествующими изданиями значительно переработаны примечания к документам.

В книге осуществлена попытка выстроить достаточно репрезентативный документальный ряд, отражающий основные направления деятельности органов политического сыска и те преобразования, которым они подвергались с 80-х годов XIX в. до первых десятилетий XX в. Хронологические рамки сборника определяются важнейшими реформами ведомства политической полиции в указанный период.

Совокупность разнородных материалов – нормативных, обзорно-аналитических, оперативно-розыскных – позволит очертить круг задач политической полиции Российской империи в зависимости от конкретно-исторической ситуации, проследить развитие системы политического розыска.

Документы

№ 1. Из всеподданнейшей записки начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова¹³ о преобразовании полиции

1 августа 1880 г.

Вопрос о преобразовании полиции разрабатывается в особой комиссии, учреждённой при Министерстве Внутренних Дел. Вопрос этот так важен для упрочения общественного порядка и спокойствия и вообще для будущего России, при дальнейшем развитии нашего законодательства, что является необходимостью не откладывать далее его разрешение и уяснить ныне же те основные начала, которые должны послужить исходною точкою для правильной организации полиции в государстве.

Первые шаги уже сделаны в 1878 году учреждением полицейских урядников и установленною в 1880 году связью между деятельностью, по охранению общественного спокойствия, чинов Жандармского Корпуса и административною губернской властью.

При установлении последней меры признана необходимость единства полицейских мероприятий, основанная на крупных указаниях опыта.

Внутренне-политические события последних лет вызвали значительное число политических дел, с производством дознаний чинами Жандармского Корпуса, дознания эти производились означенными чинами до 1880 года без сообщения нередко о них местной администрации, что иногда признавалось даже необходимым, в виду отсутствия уверенности в сознании важности возникавших дел со стороны чинов общей полиции, а также их умения действовать успешно с сохранением должной тайны. Между тем при незначительности жандармского в губерниях состава, чины корпуса лишены были возможности производить своими средствами розыски и прочие полицейские действия, столь необходимые для успеха раскрытия преступных действий и в итоге, таким образом, получалось не дознание, не раскрытие преступлений, а лишь оформление их законом установленными протоколами, другими словами, производилась лишь проверка тех данных, которые случайно доходили до жандармского ведомства. Но мера, установленная в марте 1880 года, не может ещё быть признана мерою, окончательно устранившею существовавшие неудобства: таковые могут быть вполне устранены только полным объединением жандармской и общей полиции, что достигается путём полного подчинения жандармских чинов высшей губернской административной власти. Тогда только представится основание рассчитывать на возможность дружного действия всех полицейских чинов в данной местности, а следовательно и основание рассчитывать на достижение тех результатов, которые так необходимы для предупреждения и раскрытия преступных действий...

То же, что сказано выше о настоятельности объединения всех полицейских сил в ведении одной в губернии власти, всецело относится и до государственного учреждения, ведаю-

¹³ Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825–1888) – генерал от кавалерии (1875), граф (1878), член Государственного совета (1880). 14 февраля 1880 года был назначен Главным начальником Верховной распорядительной комиссии, учрежденной для борьбы с крамолой после взрыва в Зимнем дворце (5 февраля 1880). С 3 марта 1880 г. временный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С 6 августа 1880 г. министр внутренних дел. После гибели Александра II и издания его преемником «Манифеста о незыблемости самодержавия» (29 апреля 1881) подал в отставку.

щего полицейское в государстве дело: вся полицейская часть в империи должна нераздельно вестись одним центральным учреждением...

...Нельзя не заметить, что полицейская служба, так много требующая от сообразительности исполнителей, когда нередко не указания закона и инструкции, а смелый и решительный приём даёт успешные результаты, тем самым представляет массу соблазна для полицейских чинов к увлечениям, побуждающим их ради ожидаемого успеха упускать из вида требования закона. Устранение этого недостатка, возможного также и в губернских властях, достижимо только при постоянном внимании центрального управления к глубокому упрочению между всеми полицейскими органами чувства законности и при его настоянии на взыскания с нарушителей этого основного принципа, столь необходимого в блюстителях народного спокойствия... Можно было бы ограничиться вышеприведенными доводами из числа весьма многих оснований в пользу мнения о необходимости одного центрального установления для ведения полицейским делом в государстве, но ввиду важности рассматриваемого вопроса не лишне будет упомянуть ещё об одном весьма веском доводе: при розыскных полицейских действиях, особенно по делам политического свойства, требующим быстрых и верных мероприятий, весь успех нередко зависит от своевременного сообщения местным полицейским властям сведений о происходящем в других местностях, а также о лицах разыскиваемых и о всем касающемся этих лиц; но этого можно достигнуть только при содействии такого центрального установления, которое способно было бы сосредоточивать у себя все необходимые сведения и имело бы власть давать более важным полицейским розыскам направление согласное с требованиями обстоятельств.

Сосредоточение всего полицейского дела в ведении одного государственного установления даст сверх того возможность постепенно выработать те частные преобразования в личной организации, которые для завершения устройства полицейского дела крайне необходимы...

Здесь нельзя не наметить и не выяснить одного принципиального недоразумения, нередко встречающегося в последнее время в различных сферах:

В последнее время наша периодическая печать, не столько заботясь об улучшении полицейской службы, как из желания угодить вкусам читающей публики, при неразвитости камерального образования в обществе весьма сочувственно относящейся ко всякому проекту расширения круга деятельности общественных учреждений, много толковала о подчинении полиции земству и местным городским управлениям... Такой способ разрешения вопроса государственной важности конечно не может соответствовать ни целям правительства, ни установившимся понятиям об общественной правоспособности в её законной сфере деятельности... Наиболее прогрессивные, и потому пользующиеся у нас наибольшим сочувствием, из публицистов и профессоров по кафедре административного права, известные германские ученые Лоренц фон Штейн и Резлер, находят, что существенная обязанность исполнительной власти состоит, между прочим, в приостановке распоряжений, изданных самоуправляющимися учреждениями, если подобного рода распоряжения противоречат общегосударственной пользе или благу и, безусловно признавая за исполнительной властью в государстве право высшего надзора над самоуправлением, ставят целью этого надзора – сохранение гармонии между самостоятельностью самоуправления и государственным единством. Те же мысли легли в основание ограничительных, по отношению к земским собраниям, статей нашего положения о земских учреждениях, но эти статьи остались бы мертвою буквою, если бы упомянутым учреждениям был предоставлен выбор лиц назначаемых на должности уездных исправников...

Желание приурочить полицию к самоуправлению во многом объясняется недостатком распространения в обществе правильных юридических понятий...

...С теоретической точки зрения, передача полиции в ведение общественных учреждений есть не только ограничение власти правительства, но её полное упразднение.

[...]

На западе конституционные правительства ревностно охраняют свою прерогативу полицейской власти... Полиция во Франции, обыкновенно не подвергаясь переменам в своём личном составе, была послушным орудием в руках быстро сменявших друг друга правителей, преследовавших разнообразные политические цели. Она всегда была верною исполнительницею распоряжений верховной власти, что естественно могло иметь место лишь при неизменности её организации чисто государственного характера.

На основании поучительных опытов одной только Франции уже можно прийти к заключению о чрезвычайной важности для государственной жизни такой же тесной связи правительства с полицией, какая существует по отношению к войску. Только при такой связи возможно достигнуть точного исполнения правительственных распоряжений во всякое время и во всех местностях без различия общественного положения лиц, частные интересы которых могут быть затронуты этими распоряжениями. Равно без этой связи едва ли возможно установить строгую исполнительность по всем вообще предметам полицейского ведения, а между тем такая исполнительность должна составлять главную отличительную черту полицейской деятельности и её главное достоинство, как важнейшей функции исполнительной власти в государстве. Но исполнительность полиции и её неуклонное служение общегосударственным целям, помимо всяких соображений местных органов самоуправления, не зависит только от подчиненности полиции исключительно правительственной власти. Подчиненность не есть ещё гарантия от бездеятельности и злоупотреблений... Абсолютную услугу может оказать правительственному надзору лишь учреждение фактического контроля над действиями полиции.

В настоящее время контроль над действиями чинов провинциальной полиции находится в руках не полицейского, а высшего в данной местности административного начальства, представляемого в губерниях губернаторами. Постоянные занятия этих административных должностных лиц в разных местных присутствиях составленных из представителей различных ведомств и выборных от сословий, земства и городов, наконец, их многосторонние сношения по предметам ведения казенных, земских и городских учреждений, не позволяют им всецело посвятить себя полицейскому делу.

Вследствие чего действующие чины полиции остаются без постоянного надлежащего контроля и руководствуются не практическими наставлениями при самом исполнении служебных обязанностей, а наскоро полученными устными приказами, иногда чрез посредство третьего лица, или циркулярными предписаниями, которые читают и исполняют по мере сил и возможности и по степени их практического смысла.

Для содействия более правильному воспитанию активных полицейских чинов, которые при существующем порядке вещей никогда не достигнут необходимого уровня умелости, т. н. полицейского такта и не могут быть дисциплинированы надлежащим образом, полезным казалось бы поручить заведывание специально-полицейским делом по губернии особому лицу в звании второго вице-губернатора.

[...]

Настоящие начальники губернских жандармских управлений прошли хорошую школу нравственной и служебной дисциплины, большею частью опытные в деле полицейских розысков и по части наблюдательной и, живя постоянно в губерниях, хорошо знакомы с местными условиями и со слабыми сторонами полицейского надзора. При всём том указанная выше необходимость в полном подчинении чинов жандармского ведомства местному губернатору делает должность начальника губернского жандармского управления совершенно излишнею, а за упразднением этой должности, многие из настоящих начальников жандармских управлений могли бы быть с пользою для дела, переименованы во второго вице-губернатора.

Само собою разумеется, что вице-губернатор по полицейской части обязан своевременно доводить до сведения губернатора о всём касающемся полиции в губернии, а равно пред-

ставлять все полицейские донесения и в распоряжениях своих руководствоваться указаниями губернатора.

При выяснении вопроса о том центральном государственном установлении, которому следовало бы встать во главе полицейского в империи дела, Министерство Внутренних Дел представляется тем установлением, которое имеет преимущественно все данные для наиболее успешного принятия этого дела в своё ведение, высшее в губернии заведывание полицейским делом не может не оставаться в руках губернатора, как главного представителя высшего правительства, губернатор же принадлежит уже ведомству Министерства Внутренних Дел. Общая полиция в настоящее время состоит в ведении Министерства Внутренних Дел: слияние с нею жандармской полиции, значительно меньшей по составу, чем полиция общая, вовсе не требует создания нового государственного установления, а логически указывает на необходимость оставления общей полиции в ведении Министерства Внутренних Дел и передачи в его же ведение жандармской полиции. Это тем более удобно, что это же Министерство ведало дела медицины, земских, городских и крестьянских учреждений, близко соприкасающихся со многими предметами полицейского ведения...

Всё высказанное приводит к следующим заключениям:

Всё ведение полицейским в империи делом следовало бы сосредоточить в Министерстве Внутренних Дел, от которого представляется вполне возможным и полезным ввиду громадности настоящего круга ведения этого Министерства отделить Департаменты Почтовый, Телеграфный и Духовных дел иностранных исповеданий;

Чинов Корпуса Жандармов необходимо было бы подчинить губернаторам, с подчинением всего Корпуса всецело Министру Внутренних Дел применительно к порядку подчинения Министру Финансов пограничной стражи, с сохранением за чинами Жандармского Корпуса принадлежащих им ныне служебных прав;

Звание начальников губернских жандармских управлений полезно упразднить с учреждением в каждой губернии должности второго вице-губернатора с возложением на него обязанности заведывания по указаниям губернатора всею полицейскою частью в губернии, а равно личным полицейским составом и руководства жандармских офицеров, а за отсутствием их полицейских чиновников в производстве дознаний о государственных преступлениях;

С передачею в Министерство Внутренних Дел заведывания всею полицейскою в империи частью представляется возможным передать в Министерство Внутренних Дел и остальные предметы ведения III Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии...

Затем представляется возможным упразднить III Отделение Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии и Штаб Корпуса Жандармов.

ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–20.

№ 2. Положение об устройстве секретной полиции в Империи¹⁴

3 декабря 1882 г.

Высший надзор за розыскной деятельностью по делам о государственных преступлениях принадлежит товарищу министра, заведующему государственной полицией и осуществляется через Департамент сей полиции.

Для ближайшего заведования на местах этими розысками могут быть учреждаемы по распоряжению товарища министра, заведующего государственной полицией, особые розыскные отделения в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции, по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия.

Для занятий в этих учреждениях командированы как офицеры корпуса жандармов, так равно и гражданские чиновники. Последние, в видах предоставления им прав государственной службы, причисляются сверх штата или к Департаменту Государственной полиции, или к тому управлению общей полиции, в состав коей отделение состоит.

Все изменения в действующих штатах, существующих в обеих столицах розыскных учреждений, производятся властью заведующего Государственной полицией.

Ближайшее руководство деятельностью учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления производимых розысков, принадлежит особому инспектору секретной полиции, назначаемому на эту должность товарищем министра, заведующим Государственной полицией, преимущественно из лиц, которые могли бы соединить с исполнением обязанностей по этой должности, заведование С.-Петербургским отделением по охранению общественного порядка и спокойствия.

Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему заведующим Государственной полиции инструкции, об основаниях коей поставляются в известность те правительственные установления и должностные лица, до коих она может касаться, в том порядке, с коим это признано будет удобным по соображении с интересами розыскного дела.

В местностях, где особые отделения по охранению общественного порядка и спокойствия не будут открыты, заведование розысками по делам о государственных преступлениях, остается на прежнем основании за чинами жандармских управлений.

Расходы по содержанию личного состава розыскных учреждений и по розыскам, а также канцелярские и другие издержки покрываются из средств, находящихся в распоряжении Департамента Государственной Полиции. Размер суммы, ассигнуемой на розыски отдельным розыскным учреждениям определяется по представлениям Инспектора Секретной Полиции Департаментом Государственной полиции с утверждения Товарища Министра, заведующего Государственной полицией.

Печатается по: Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000. С. 377–378.

¹⁴ Мероприятия, намеченные в этом документе, остались нереализованными. Новые розыскные (охранные) отделения (помимо существовавших в обеих столицах и Варшаве) в этот период созданы не были.

№ 3. Инструкция инспектору секретной полиции¹⁵

29 января 1883 г.

§ 1

Инспектору секретной полиции в силу Высочайше утвержденного Положения об устройстве сей полиции (п. 5) принадлежит ближайшее руководство деятельностью указанных в последующем параграфе учреждений оной, в видах единообразного направления производимых ею розысков.

§ 2

Инспектор секретной полиции, впредь до дальнейших распоряжений, участвует в розыскной по государственным преступлениям деятельности нижеследующих учреждений, заведующих в настоящее время предметами ведомства секретной полиции: а) отделений по охранению общественного порядка и безопасности при управлениях С.-Петербургского и Московского обер-полицмейстеров и б) жандармских управлений: губерниях – Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского и городского – в Одессе.

§ 3

Начальники вышеуказанных жандармских управлений и начальник Московского отделения по охранению общественного порядка и безопасности обязаны сообщать инспектору секретной полиции, по его требованию, сведения как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков.

Примечание: Сообщения эти предпочтительно делаются изустно, письменными они могут быть только в случае особого заявления о том инспектора.

§ 4

В силу полномочий, предоставленных инспектору секретной полиции пунктом первым настоящей инструкции, ему предоставляется: а) вступать в непосредственное заведование местными агентурами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по этим агентурам денежных средств.

§ 5

В случае осложнения розыскных действий, инспектору секретной полиции предоставляется командировать в местности его района особо доверенных им лиц, по преимуществу из числа заведующих агентурами смежных местностей. Требования служебного характера, предъявляемые этими лицами от имени инспектора, подлежат безусловному исполнению.

§ 6

Инспектор секретной полиции имеет, кроме того, право предъявлять начальникам жандармских управлений, поименованных выше, требования о том, чтобы они в течение извест-

¹⁵ Этот документ, также как и должность инспектора секретной полиции, создавался специально для Г. П. Судейкина. Однако, прослужила инструкция недолго. 16 декабря 1883 г. Г. П. Судейкин был убит его же агентом в «Народной воле» С. П. Дегаевым. Должность инспектора секретной полиции осталась не замещенной.

ного времени, без соглашения с ним не производили ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий.

Примечание: Если надобность, однако, в обыске или аресте вытекает из обстоятельств дознания, производимого при участии лиц прокурорского надзора и сим последними будет предложено о производстве означенных действий, начальник жандармского управления обязан изустно ознакомить прокурора палаты с этими соображениями розыскного свойства, коими обуславливается надобность не производить обыска или ареста, и если соображения эти прокурором признаны будут неуважительными, произвести арест или обыск, предварительно однако доведя о возникшем разномыслии по телеграфу до сведения Департамента Государственной полиции и по возможности выждать его ответа.

Печатается по: Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000. С. 379–380.

**№ 4. Докладная записка заведующего заграничной
агентурой П. И. Рачковского¹⁶ директору
Департамента полиции П. Н. Дурново¹⁷ о
постановке работы органов сыска в связи с
возникновением в Петербурге «Группы народovolьцев»**

24 ноября/6 декабря 1892 г.

Наступающая эпоха русского революционного движения во многом сходствует, по моему мнению, с периодом возникновения бывшего «Исполнительного Комитета»¹⁸.

На известном Липецком съезде, который послужил в 1879 году основанием упомянутого «Комитета», царевбийство было возведено революционерами в систему, как единственное, по их мнению, средство добиться конституции, чтобы потом беспрепятственно пропагандировать идеи социализма.

Точно такие же задачи ставит себе и настоящая Петербургская группа¹⁹, если судить по существу вышедшего от нее «Летучего листка народной воли». Как и прежде, революционеры опираются на поддержку русских либералов с той разницей, что раньше эти господа питали скрытую надежду получить конституцию мирным путем, а потому уверяли партию во вреде и гибельности ее стремлений, но теперь у них надежды уже совершенно не имеется. Следовательно, дело становится в гораздо худшие рамки, ибо исключает либеральные колебания в смысле открытого сочувствия революционерам.

Как бы ни разветвлялись революционные кружки в провинции, но главной ареной их практической деятельности должен быть Петербург, по условиям Императорской резиденции и средоточия Правительственных функций. Революционеры в настоящее время хорошо понимают, что вне систематического террора для них в России не может быть никакой плодотворной деятельности и потому снова выступают на почве бывшего «Исполнительного Комитета», остерегаясь повторять его ошибки и противоречия, связанные с предварительной выработкой конечных революционных целей.

Предстоящая эпоха по всем данным, грозит неминуемыми катастрофами, особенно если принять в соображение, что разобщенные революционеры отыскивали способы организовать

¹⁶ Рачковский Петр Иванович (1853–1910) – с 1885 по 1902 гг. заведовал заграничной агентурой, а в 1905–1906 гг. политической частью Департамента полиции.

¹⁷ Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – с 1884 по 1893 являлся директором Департамента полиции; в 1900–1905 гг. – товарищ министра, а с октября 1905 по апрель 1906 – министр внутренних дел.

¹⁸ В июне 1879 г. накануне Воронежского съезда «Земли и воли» в Липецке собрались члены организации – сторонники политической борьбы. Липецкий съезд постановил внести в программу «Земли и воли» пункт о политической борьбе как первоочередной и самостоятельной задаче. Участники съезда объявили себя Исполнительным комитетом Социально-революционной партии, который в случае согласия общего съезда «Земли и воли» с новой программой должен был взять на себя осуществление террора от имени организации. Однако на Воронежском съезде произошел раскол «Земли и воли» и Исполнительный комитет положил начало новой организации – «Народной воле».

¹⁹ Имеется в виду первая «Группа народovolьцев» (вторая существовала в 1894–1896), возникшая осенью 1891 г. и разгромленная властями в апреле 1894 г. Объявляя о верности «основным принципам» старого народovolьчества, «Группа народovolьцев» вносила в свою практику и идейную аргументацию некоторые новые черты. В частности, вызывала возражения организационная замкнутость прежнего Исполнительного комитета: «Признавая наступательный политический террор главным орудием борьбы с самодержавием, мы однако же утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которое обеспечит живой приток сил» (ГА РФ. Ф. 102. Ос. Отд. 1892 г. Д. 888. Л. 13). Группа вела пропаганду среди рабочих; издала два номера «Летучего листка» и ряд воззваний.

без помехи со стороны политической полиции, о неподготовленности которой бороться с ними на избранном поприще, они очевидно, были предуведомлены заранее.

При означенных обстоятельствах, самая блестящая постановка наружного наблюдения не может дать необходимых результатов и без освещения внутренней жизни революционеров лишь производит путаницу, нанизывая бесконечный ряд ничего не говорящих имен и поддерживая рискованное напряжение агентурных сил к сугубому удовлетворению неуязвимой внутри революционной среды.

Печальный опыт показал, что под давлением одного наружного наблюдения, она только изощряется обманывать полицию и самые опасные конспираторы легко устраивают для себя все внешние признаки благонадежности; достаточно, например, вспомнить революционные квартиры, увешенные образами или посещение церковью усердно молившимися террористами...

Грозящие события, наоборот требуют, чтобы фактически существующая политическая полиция вполне отвечала своему назначению и находилась не позади возникающих революционных предприятий, а шла им навстречу.

Исторический склад русской государственной жизни, к счастью, дает в этом случае исключительные привилегии против тех стран, где революционное движение принимало неукротимый национальный характер: несмотря на самые острые и злобные формы, у нас революционное движение носит лишь паразитные особенности увлечений западно-европейскими политическими и социальными теориями, не имея действительных корней ни в обществе, ни в народе. В отдельности, каждому человеку или сословию свойственно ныть, взваливая свои собственные неудачи (как результат лени или отсутствия предприимчивости) на Правительство. Этим прискорбным свойством русского человека успешно пользуются беспочвенные, профессиональные конспираторы, чтобы «ловить рыбу в мутной воде», особенно после стихийных бедствий, постигших наше отечество и осуществлять свои разрушительные замыслы.

Таким образом, успешная борьба с русскими революционерами всегда возможна в пределах правильно функционирующей политической полиции, если эта последняя признает, что революционное движение приобрело уже постоянный характер, несмотря на временные затишья или отдельные удачные репрессалии и придет к необходимости создать из себя прочную, контрреволюционную организацию, под непосредственным руководством Департамента Полиции.

Сколько бы ни возникало на пространстве России отдельных и замкнутых революционных кружков, политическая полиция данной местности всегда имеет возможность объединить их для безошибочного контроля и своевременно пресекать преступные замыслы. Сосредоточивая, путем внутреннего воздействия, самые разнородные революционные элементы в центральные группы, органы названной полиции должны сделаться распорядителями положения, а не быть рабами революционных предприятий. При известной настойчивости и такте они могут довести дело до того, что подпольные и, вообще, профессиональные революционеры должны будут сойтись под их прямым наблюдением с той или другой легальной средой, им сочувствующей. Каждый революционер, действующий например, в Петербурге, на собственный страх, непременно примкнет к искусственному центру, находящемуся в ведении местного руководителя розыскной деятельностью, и наиболее опасные конспираторы всегда будут на виду для соответственных против них мероприятий.

Только по роковому недоразумению можно принимать означенную систему за подобие осужденной всюду провокации, которою дерзнет увлекаться или круглое невежество, или преступное честолюбие, жаждущее громких дел во что бы то ни стало.

Для торжества приведенной системы, прежде всего возникает вопрос о приобретении способных и убежденных внутренних агентов.

Как ни трудно отыскать их, но невозможностью исполнить такую задачу в состоянии отговариваться лишь те руководители политической агентуры, которые ограничиваются одним формальным исполнением своих обязанностей или косвенно сознающие в полной неспособности вести доверенное им дело. Внутренних агентов, которые отвечали бы своему назначению всегда можно на вербовать из элементов, наиболее враждебных Правительству в данной местности. После всесторонних справок о том или другом лице, о его положении, образе мыслей и характере, следует пригласить его (при известной обстановке) для переговоров и, если нельзя рассчитывать на удачу в каждом отдельном случае, то из 5 подобных случаев одно или два лица, при искусном давлении, наверное перейдут на сторону Правительства.

Если революционеры узнают об этих фактах, то они отзовутся тем хуже на них в моральном отношении и, порождая взаимную подозрительность, принесут гораздо больше пользы, чем самое идеальное наружное наблюдение. По личному опыту мне известно, что вышеприведенные переговоры представляют большие трудности, требуя чрезвычайной настойчивости, продолжительного времени, ясного понимания вопроса и крайнего нервного напряжения, но тем существеннее оказываются результаты.

К сожалению этим дело далеко не исчерпывается. Даже в официальных сферах установились закоренелые предрассудки против внутреннего агента, как продажного, безнравственного и предательствующего человека, не говоря уже о русском обществе, которое по ложным воззрениям на обязанности перед Отечеством, привыкло с безразличностью относиться ко всему, что соприкасается с Правительством. У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например французам или англичанам, которые в качестве частных людей, сами помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем, который дает им возможность исполнить эту патристическую обязанность. Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами, необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники Правительства, которые борются с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России.

Укрепивши агента на подобной идейной почве, следует также всячески щадить его самолюбие и осмотрительно избегать всего, чтобы хоть отчасти дало ему повод размышлять о своей мнимой позорной роли.

Затем уже наступает область опытного руководства таким агентам, сообразно обстоятельствам.

Вышеизложенное представляется по моему скромному разумению, единственным способом предотвратить те невыразимые катастрофы, которые обещает видимая постановка нарождающегося внутри России революционного движения. Вне организационной деятельности органов политической полиции с помощью внутренних агентов, остается только один рискованный расчет на благоприятные случайности, которые имели, например место в Петербурге при недозрелых или неудавшихся злоумышлениях первостепенной важности в 1887 и 1890 годах²⁰.

Состоящий при Министерстве Внутренних Дел П. Рачковский
Помета: «читал»

ГА РФ. Ф. 102. Д-3.1892. Д. 888. Л. 31–35.

²⁰ Речь идет о «втором 1 марта» – подготовке покушения на Александра III так называемой «Террористической фракцией» партии «Народная воля» (П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев) в 1887 г. и о громком процессе 1890 г., связанном с русской эмигрантской колонией в Париже, когда П. Рачковскому удалось пресечь деятельность изготовлявшего взрывчатые вещества и снаряды кружка (И. Н. Ананьев, Б. Рейнштейн и др.), участие в работе которого принимал его агент Ландезен (он же Геккельман, Гартинг).

№ 5. Записка заведующего заграничной агентурой П. И. Банковского об условиях деятельности политической полиции

27 мая 1902 г.

Задача политической полиции состоит в предупреждении, пересечении и подавлении деятельности революционеров, а равно и знании всего, что происходит среди оппозиционных элементов, враждебных существующему государственному строю. Названные элементы, как показывает внимательное наблюдение над ходом современной русской жизни, не только не ослабевают, но к сожалению начинают проявляться в формах гораздо более сложных, чем до сих пор.

Главная и наиболее опасная оппозиционная среда состоит по прежнему из революционеров, которые организовали после известного хождения в народ партию «Народной Воли» с «Исполнительным Комитетом» во главе. Несмотря на погромы, испытанные партией, от нее осталось до сих пор много революционеров, которые или ускользнули от розысков, или были сосланы, но получили помилование, или наконец, успели бежать за границу. Все они, не переставая вдохновляться прежними своими традициями, мечтают снова приняться за прерванную деятельность и возродить уничтоженную партию «Народной Воли» в пределах программы бывшего «Исполнительного Комитета», который, как известно, стоял на стороне строго централистической организации и в ней одной только видел тайну своих исключительных успехов. В 1892 году среди революционеров упомянутого типа в России возникла революционная группа «Народного Права», задававшаяся целью ниспровергнуть существующий строй путем политического переворота, но благодаря арестам главных своих членов, деятельность означенной группы прекратилась. В настоящее время в России начинает вырастать террористическая партия социалистов-революционеров, поставившая себе задачей, путем систематического террора, достигнуть насильственного низвержения существующего государственного строя. Успешно действующие в России социал-демократы в свою очередь доказывают необходимость развития в русских рабочих такой политической сознательности и самостоятельности, которая сделала бы их способными организовать в самостоятельную революционную партию, при неизбежном условии упразднения русского абсолютизма и заменой такового конституционной монархией.

Помимо вышеприведенных, так сказать, профессиональных революционных элементов, которые видят конечные способы для ниспровержения существующих порядков в устройстве террористических заговоров, – политическая полиция должна считаться с либеральным движением, стремящимся к ограничению монархии конституцией, причем проекты последней сочиняются нашими разночинцами по собственной фантазии и с полным пренебрежением к историческим условиям русской народной жизни. Желая принять участие в государственных делах, в каком бы то ни было русском парламенте, они до сих пор питают надежду, что Самодержавие добровольно пойдет на уступки в их пользу; в виду твердо проявленной Верховной Властью охранительной политики, их честолюбивые надежды совершенно исчезли и уступили место сознанию, что им конституционалистам, следует, наконец, организовать в активную оппозицию и не дать правительству времени погасить на долгий срок «общественное самосознание».

Военное сословие также начинает заражаться революционной язвой и порождать из своей среды конспиративные кружки, следить за которыми тем более затруднительно, что по

существующим требованиям товарищества каждое отдельное лицо здесь может не соглашаться с пропагандирующими его сослуживцами, но отнюдь не разоблачать их перед начальством. В 1895 году были, например, получены сведения о существовании какого-то офицерского кружка разного рода оружия из 34 человек, которые отпечатали за границей брошюру «Не пора ли», где требуют уничтожения Самодержавного строя от имени русских войск.

Сверх упомянутых течений внутри России, – политической полиции необходимо также считаться с многочисленными происками, направленными против государственной целостности России. Обстоятельства доказывают, что, например, мечты о политическом возрождении «от моря до моря» нисколько не угасли у русских поляков и польские социалисты-революционеры, вступая неоднократно в сношения с польской партией «националистов» на почве интернационального социализма, всегда должны были выставлять перед своими соотечественниками патриотическое знамя Польши, чтобы получать от них денежную и нравственную поддержку для революционных предприятий.

Прибалтийские немцы, очевидно, проникнуты теми же целями политического сепаратизма и открыто начинают восставать против русской политики в Курляндской и Эстляндской губерниях, считая их не русскими провинциями, а своей собственной, немецкой землей, неправильно, будто бы захваченной Россией. Доказательством этого может служить возникший в 1895 г. за границей орган прибалтийских немцев под названием «Russihe Zustande» с чисто сепаратистскими тенденциями и с замаскированным стремлением подготовить, в свою очередь, государственный или дворцовый переворот в России.

Таким образом, если мы изучим в основе идеи различных противников существующего государственного строя, то невольно придем к заключению, что профессиональные революционеры всевозможных оттенков, равно как и оппозиционные элементы стремятся каждый по своему и только в своих интересах к ниспровержению или ограничению Самодержавия. Конституционалисты, например, были застигнуты врасплох террористической деятельностью 80-х годов и потому не пошли дальше скрытого сочувствия ей; но в настоящее время, когда неприязненное отношение их к охранительной политике обостряется с новой силой, они непременно должны присоединиться к боевой партии, если бы таковая возродилась и упрочилась. Что же касается действующих ныне революционных организаций, то эти последние, несмотря на существующие среди них разногласия, философствования и шатания, неизбежно должны возвратиться к своему первоисточнику и, по роковой для себя необходимости, организовать в централистическую партию эпохи 1879–1881 годов.

Помешать такой организаторской работе революционеров едва ли будет возможно, да и не в этом заключаются, по моему мнению, условия успешной борьбы с ними. Напротив, политической полиции отнюдь не следует препятствовать возникающим революционным стремлениям к централизации, так как с организованным центром она может несравненно легче бороться, чем с изолированными террористическими и иными группами, уследить за которыми, при их многочисленности, не представится возможности. Чтобы выразиться яснее – политической полиции следует пойти на встречу существующему течению и, в свою очередь, организовать на тех же основах централизации. Если руководящие сферы остановятся на таком решении и приступят к делу именно теперь, когда представители различных революционных направлений не успели еще вполне согласиться между собою, то, при посредстве подготовленных сотрудников, им не трудно будет подойти к проектируемому революционерами центру, чтобы распоряжаться затем, путем всестороннего наблюдения за внутренней жизнью, как его собственными судьбами, так и участью второстепенных кружков, с ними связанных.

Но прежде чем приступить к обсуждению означенного вопроса, нелишне будет сказать здесь несколько слов об условиях деятельности нашей политической полиции.

В России, как и в большинстве государств Европейского материка, политическая полиция действует тайно и не имеет возможности, по самой своей сущности, сообразоваться всегда

только с установленными законами, но обязана иногда принимать в соображение требования времени, места и случая. Вероятно, вследствие этого в нашем обществе издавна установилось понятие о бесправной опеке над ним жандармов, а оппозиционные элементы, идя на встречу этому воззрению, доказывают обыкновенно, что Правительство не может издавать предписаний в области человеческой совести и мысли, причем заведомые противники существующих порядков охотно забывают, что самая мысль должна проявляться в разумных границах и не употреблять во зло дарованную ей свободу. Ни одно Правительство, уверенное в своей силе и опирающееся на охранение исторических устоев народной жизни, не может допустить беспрепятственной пропаганды таких идей, которые в корне подрывали бы государство и общественность. И в то время, когда иностранцы проникнуты уважением к законам своей страны и беспрекословным повиновением требованиям Правительства, у нас, к сожалению, замечается обратное явление: отсутствие политического и философского образования, открывая полный простор теоретическим мечтаниям, главным образом конституционалистическим бредням, подрывает в нашем так называемом образованном обществе чувство монархического долга, законности, монархических убеждений, русского самосознания и психологии монархических начал в нашей истории. Отсюда то шатание умов, которое составляет характеристическую черту русского современного общества. Отсюда и бессмысленные толки о мнимой несостоятельности нашего Правительства в управлении страной и голословные обвинения Правительственных властей в подавлении всякой самостоятельности общественных учреждений. При таком настроении русского общества у нас установилось также мнение, что политическая полиция исполняет свои обязанности с полным пренебрежением к общественным интересам, подвергает арестам совершенно невинных людей, заключает их в тюрьмы без серьезных оснований, разбивает множество молодых жизней и, наконец, вынуждена в большинстве случаев освобождать арестованных по отсутствию улик.

Справедливость, однако, требует сказать, что по существующей системе розыска, политическая полиция действительно осуждена исполнять свои обязанности наудачу, не отделяя очень часто правых от виновных, чем и объясняется вполне крайняя и повсеместная неприязнь к ней. Чтобы прекратить подобные ненормальности и внушить к этому учреждению уважение общества, требуется утвердить его на началах компетентности и справедливости, при которых избегались бы печальные ошибки, и законная кара постигала бы только людей, на самом деле зловредных в политическом смысле. Но если даже при такой постановке политической полиции русское общество не будет содействовать Правительству своими добровольными указаниями и сведениями, как это практикуется в Англии и Франции, то оно, по крайней мере, проникнется сознанием, что наша политическая полиция при охранении общественного порядка действует с верою в правоту своего дела и с полной добросовестностью.

Известно, что Петербург, как центр Русской Государственной власти, а Москва, как средоточие народной жизни, составляли, по роковому стечению обстоятельств, также и главные пункты всех революционных происков против государственного строя, причем существовавшие оппозиционные группы в губерниях служили, в большинстве случаев, лишь поддержкой для столичных революционеров. В настоящее время обстоятельства изменились и мы видим, что антиправительственное движение распространилось на всю Россию. До 1896 года деятельность столичных Охранных Отделений ограничивалась рутинным исполнением возложенных на эти учреждения обязанностей, занимаясь розыском профессиональных революционеров и, вообще, во всей своей практике полагаясь только на благоприятную случайность, не умея проникнуть в революционную среду, а тем более удержаться в ней. Без преувеличения можно сказать, что Петербургское Охранное Отделение ничего не сделало самостоятельно для борьбы с революционным движением, хотя имело в своем распоряжении значительные денежные средства и многочисленную наружную агентуру. Некоторые благоприятные результаты в его мероприятиях исходили исключительно от Департамента Полиции, который снабжал Отде-

ление своими указаниями и подробными инструкциями. В редких случаях Отделению удавалось проникнуть в социально-демократические организации фабричных рабочих, причем весь успех сводился не к выяснению той или другой группы в необходимой для дела полноте, но к поимке нескольких отдельных лиц. Прочие оппозиционные элементы совсем не подлежали наблюдению Отделения, что и дало им возможность развиваться беспрепятственно.

Благодаря существованию внутренней агентуры, Московское Отделение того времени находилось в более благоприятных условиях, но к сожалению, и оно не выходило из пределов одностороннего наблюдения над профессиональными революционерами, что далеко не отвечало задачам, которые возникали для политической полиции в Москве. Здесь необходимо отметить, что отличительными чертами руководителей розыскным делом описываемой эпохи были следующие: неподвижность, отсутствие инициативы и идейных наклонностей и тяготение к рутине. Наблюдаемые особенности могут исчезнуть только в том случае, когда состоится полная реорганизация политического розыска и по исходящему от центра примеру будет дано провинциальным учреждениям более интенсивное направление, столь необходимое для успешной борьбы с революционерами.

В настоящее же время, когда революционная деятельность быстро прогрессирует, являясь в виде сплоченной организованной силы, правительственные средства борьбы с нею, в силу рутины, развиваются весьма медленно и, как доказала практика последних лет, сохраняют до сих пор все недостатки устаревшей их организации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.